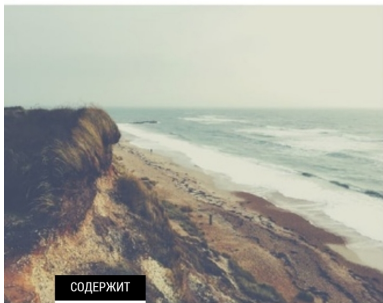

Людмила Кононенко

ТАЙНАЯ ИГРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Людмила Кононенко

Тайная игра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62453843

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03585-0

Аннотация

Александр Скороходов приходит на новое место работы вместо ушедшего по семейным обстоятельствам Дмитрия Беркутова. Сергей Мурашов, новый коллега Александра, принимает его прохладно, недружелюбно, так как ведёт какую-то свою игру, о которой никто не знает. Скороходов случайно узнает об этом и рассказывает Виолетте, жене Мурашова... Содержит нецензурную брань.

Все персонажи и события вымышленные. Совпадения с реальными людьми и событиями являются случайностью.

День выдался на удивление очень знойным, и солнце было палящим. Казалось, что на дворе не весна, а середина лета. К типовому, ничем не приметному серому зданию подъехала легковая машина серебристого цвета, из неё вышел молодой человек с тёмно-русыми волосами, спортивного телосложения, на вид ему было около тридцати пяти лет. Он подошёл к двери – солнце ослепительно осветило здание – оглянулся, вытер пот со лба и подумал:

«Май нынче такой изнуряющий, как июль. Какие тучи свинцовые идут и солнце очень ярко светит. Наверное, дождь с грозой будет».

Мужчина расправил взмокшую рубашку, вдохнул, выдохнул и, открывая массивную дверь, сказал сам себе вполголоса:

– Да что я волнуюсь, как мальчишка, – словно школьник перед экзаменом.

Молодой человек, по-прежнему в напряжении от неизвестности, вошёл внутрь. Было видно, что здесь недавно сделали ремонт. Да и ещё не выветрившийся запах краски давал об этом знать. Он подошёл к дежурной части: на столе у дежурного хаотично лежали ориентировки, графики и ещё какие-то очень нужные бумаги. В дежурной части раздался

внезапный телефонный звонок.

– Добрый день. Ильинский отдел полиции города Красногорск по Московской области, – ответил дежурный на звонок. – Минутку... диктуйте.

Он ловко взял среди кучи бумаг нужный блокнот, что-то быстро записал и обратился к незнакомому мужчине, который терпеливо ждал, когда тот освободится:

– Молодой человек, вам назначено?

– Да. Роман, подскажите, пожалуйста, как пройти в кабинет полковника Лемехова, – ответил мужчина, прочитав имя на бейджике дежурного. Он понял, что Роман, несмотря на хаотичность на своём столе, с лёгкостью может найти то, что ему нужно.

– Это вам на третий этаж прямо, третья дверь налево, – сказал Роман.

Кабинет полковника Лемехова был просторным и светлым, на окнах висели с любовью сшитые занавески сиреневого цвета, стояли фиалка и герань.

«От этой работы мозги уже начинают закипать», – подумал полковник Пётр Львович Лемехов и резко отодвинул документы, чуть не уронив фотографию, с которой ласково улыбались жена и дочь. Он придержал её рукой, на фото дочери было ещё пятнадцать лет.

– Да, нелегко вам, девоньки мои, со мной живётся.

Полковник аккуратно сложил документы в стопочку, подвинул на край стола и откинулся в кресле. “До совещания ещё десять минут. Пусть глаза немного передохнут”, – решил Лемехов и оглядел свой кабинет.

Нет, так называемым кабинетным червём его нельзя было назвать. Но кабинет свой он любил. Света и воздуха много. Да и жена помогала обустраивать нехитрый ментовский быт, занавески сама сшила. Правда, генерал тогда слегка его пожурил, что не по уставу. Но на этом всё и закончилось.

Он подошёл к окну и, поливая цветы, сказал сам себе:

– Лиля у меня молодец, не каждая столько выдержит. Ведь за обычного оперативника выходила, а уже тридцать пять лет будет, как поженились, и Кристина, любимая дочка, юридический заканчивает. Кстати, сейчас же новый оперативник придёт, – он позвонил дежурному и попросил его пригласить всех к нему.

К зданию полиции подъехал молодой русоволосый, голубоглазый, круглолицый человек невысокого роста – это был капитан Мурашов. На нём была рубашка в горизонтальную полоску, что придавало больший объём его комплекции. Он вышел из машины, закрыл её и, решив немного передохнуть, подышать свежим воздухом, включил на телефоне видео, на котором они со старшим братом и его женой в детском кафе отмечали десятилетие Глафиры. Зал кафе был красиво оформлен, висели воздушные шары, во всю стену тянулись бумажные гирлянды, на которых было написано «Поздрав-

ляем!»), на столе красовался торт с цифрой «10». Звучали поздравления в адрес именинницы.

На видео Глаша, голубоглазая девочка с каштановыми волосами чуть ниже лопаток и в красивом розовом платье, на котором сверху была вязаная кофта, подошла к высокому черноволосому мужчине спортивного вида, одетого в светло-коричневый свитер. Девочка спросила:

– Пап, можно мы с Ульяной на осенних каникулах у дяди Серёжи с тётей Виолеттой погостим?

– Правда, Матвей, пусть Глаша с Улей у нас погостят, – сказал Мурашов. – Конечно, можно, – ответил Матвей и, обнимая дочерей, обратился к младшему брату:

– Серёг, я и хотел попросить вас с Виолеттой, чтобы и на каникулах погостили они у вас, и потом после ещё недели две у вас побыли. Мы со Снежаной пятого ноября в командировку улета...

Это было последнее видео Матвея.

Сергей, вздохнув от нахлынувших воспоминаний, выключил видео и вошёл внутрь. Роман сказал:

– Товарищ капитан, вас Пётр Львович ждёт у себя.

– Спасибо, Ром. Сейчас зайду.

У Мурашова зазвонил мобильный телефон, он посмотрел на дисплей и, увидев имя жены, ответил:

– Привет, Виол... У меня – хорошо... У тебя как дела?... Ты меня в коридоре застала... Да Лемехов к себе всех пригласил, новый опер должен сегодня прийти. Пётр Львович

вчера нам об этом говорил. Интересно, кто придёт вместо Димы?.. Да, любимая, ты права, придёт, увижу. Надеюсь, что он такой же, как Дима, будет.

Ещё до прихода нового сотрудника капитан Мурашов успел доложить полковнику о том, что городским судом был вынесен приговор гражданину Сорокину. Полковник, открывая папку с чьим-то личным делом, поинтересовался:

– Это тому, который убил человека, заступившегося за девушку в декабре прошлого года?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил Мурашов. – Суд признал его виновным и назначил меру пресечения одиннадцать лет с отбыванием в исправительной колонии строгого режима.

В дверь осторожно постучали.

– Войдите, – доброжелательно пригласил Пётр Львович и подумал: *«Должно быть, новый оперативник»*.

В кабинет вошёл молодой человек. Здесь уже сидели пока ещё не знакомые ему люди. *«В процессе работы познакомлюсь со всеми»*, – подумал он, интуитивно ощутив уют и домашнее тепло. И волнение потихоньку стало уходить. Лемехов, подметив небольшое смятение мужчины, виду не подал и спокойно представил его:

– Коллеги, познакомьтесь – это старший лейтенант Александр Николаевич Скороходов, наш новый сотрудник и коллега. Он будет работать вместо ушедшего от нас по семейным обстоятельствам Дмитрия Беркутова.

Трое молодых людей прогуливались недалеко от Центрального парка. Один из них – упитанного сложения, одетый в спортивную майку и шорты, сказал:

– Фуух, ну и жарень.

Он предложил друзьям зайти в парк – купить мороженое и ещё что-нибудь. Да и на карусели прокатиться. Второй молодой человек, худой, одетый в футболку в сеточку и спортивные штаны, ответил:

– Ден, на карусели я пас. Высоты боюсь, в детстве даже не катался.

– О'кей, Антон, тогда просто посидим, поговорим, – Денис подошёл к киоску и сказал, прочитав имя на бейджике:

– София, пожалуйста, заварное пирожное.

Антон подошёл к киоску и попросил на него не брать. Объяснив, что у него на них аллергия с детства, сказал, что ему лучше коржик песочный.

– Макс, а тебе что? – спросил Денис.

– Мне мороженое «рожок» с варёной сгущёнкой.

– И ещё коржик и мороженое «рожок», – продолжил Денис.

Продавец подала то, что попросили молодые люди. София, женщина средних лет, поинтересовалась, вместе им посчитать или по отдельности. Она была одета в униформу.

– Вместе, – ответил Денис.

– С вас семьдесят пять рублей, – произнесла София.

Денис рассчитался за покупки, и они пошли в парк, там было не так оживлённо, как в выходные дни. Дети катались на каруселях, кто-то заходил в комнату смеха. Молодые люди сели на скамейку, они ощутили запах белой акации. Но она здесь не росла, откуда её запах? Да это же распустились цветы ландышей! Теперь слегка запахло мёдом – этот запах исходил от красивых жёлтых нарциссов, которые напоминали солнышко. Максим, откусывая мороженое, спросил:

– Дэн, и что будем делать? Идея-то отличная – купить ноуты в детдом для компьютерного класса.

– Макс, ты прав, – отозвался Антон, – но у нас нет столько денег. У отца спросишь?

– Ага, сейчас, разбежался он давать мне, – ответил Денис, откусывая заварное пирожное, – сами возьмём.

– Как – сами?? – удивился Антон и с недоумением посмотрел на друга.

Денис рассказал друзьям о своей идее. Они согласились, что, в принципе, это неплохая мысль.

В центре города, на одной улице с отделением полиции, находился ювелирный салон «Весна». Это было старенькое здание бывшего продуктового магазина, в котором сделали современный евроремонт. В салон вошла молодая пара, парень из широкого ассортимента украшений выбрал кулон и сказал, протягивая деньги:

– Пожалуйста, вот этот кулон.

Продавец, взяв деньги, подала кулон. Парень тут же подарил его своей девушке, и они ушли. Казалось, ничто не предвещало плохого.

Но почти сразу в салон ворвались трое неизвестных. Один из них выстрелил в воздух, второй направил пистолет на продавца:

– Давай сюда деньги, сколько есть! И без глупостей, нажмёшь на кнопку – пристрелю.

В подтверждение своих слов он выстрелил в сторону охранника, который, совсем не ожидая этого, и без того стоял не двигаясь. Продавец спешно складывала деньги в сумку. Неизвестные перед уходом ещё раз выстрелили в пол и выбежали из салона. Пассажиры чёрной иномарки, припаркованной у салона уже минут десять, никак не ожидали такого поворота событий:

– Вот только нам ещё этого не хватало, чтобы нас видели, – слышался мужской голос.

– Так в чём проблема, – сказал второй мужской голос.

– Сейчас решим вопрос, – продолжил третий, – нам это вовсе не нужно.

Неизвестные из машины хладнокровно расстреляли незадачливых грабителей, вылетевших из ювелирного салона.

В конце совещания в Ильинском отделении полковник Лемехов распорядился, чтобы в кабинете Мурашова поставили ещё один стол.

– Не было печали, – вполголоса сказал капитан Мурашов недовольным тоном.

– Чтоо?! – строго спросил Лемехов, услышав недовольное бормотание Мурашова.

– Есть поставить ещё один стол, товарищ полковник, – ответил Мурашов, уже выходя из кабинета. Скороходов, двигаясь за Мурашовым, вошёл теперь уже в свой кабинет. Здесь «на почти домашнюю атмосферу» было совсем не похоже, на окнах висели жалюзи, стояли алоэ и кактус. Мурашов показал Скороходову его стол, который только что сюда поставили, и сказал:

– Вот твоё рабочее место, осваивайся.

А сам с плохо скрываемым раздражением резким движением взял папку, которая лежала среди небрежно разбросанных бумаг у него на столе, и стал листать, делая вид, будто никого в кабинете больше нет. Он был в недоумении и не мог понять, зачем к ним прислали нового человека, уж лучше бы Диму Беркутова вернули. Затем Сергей подошёл к окну, потыкал пальцем в цветочные горшки, зачем-то взял кактус, поставил около своего ноутбука и включил его. С заставки рабочего стола с любовью ему улыбалась жена.

– Тебя как зовут? – спросил Александр и дружелюбно поинтересовался, чтобы хоть как-то поддержать разговор: – Жена?

– Сергей. Почти жена, мы с ней семь лет уже живём вместе, но пока что ещё не расписаны, – довольно прохладным

тоном ответил Мурашов и подумал: *«Интересно, откуда ты вообще и кто такой? Уж не фээсбэшник ли под прикрытием? Сколько лет никого не присылали. Хотя приходили, но долго не задерживались. Сейчас ты нарисовался, ещё и интересуешься, кто у меня на заставке. Нет, с тобой надо быть осторожнее».*

Александр не ощутил здесь уюта и тепла, которые были в кабинете полковника Лемехова. Он почувствовал в интонации Мурашова лёгкую прохладу, но не стал ничего говорить, чтобы не портить отношения в первый рабочий день. Скороходов чувствовал, что капитан не рад его приходу. Но выводов делать не стал. “Возможно, Сергею с утра сделали замечание по службе, и я просто попал ему под горячую руку”, – решил Александр.

Скороходов сел за свой рабочий стол, поставив пластиковый стаканчик, аккуратно собрал в него ручки, рядом положил свой блокнот с изображением соснового бора, так как он очень любил его, поэтому и блокноты, и тетради покупал с этим изображением. В это время к ним в кабинет вошла следователь Ежова Вероника Николаевна:

– У нас ограбление ювелирного салона «Весна» на Советской и огнестрел. Александр, вы вместе с Сергеем поезжайте на место происшествия и опросите пострадавших. У вас пять минут, чтобы собраться. Плетнёв и Каретин уже там, сейчас я им позвоню и скажу, чтобы ждали вас у салона.

– Но у нас же через десять минут обед, – попытался воз-

разить Мурашов.

– Неужели обед важнее чьих-то жизней? – спросил Скороходов и, обращаясь к следователю Ежовой, сказал:

– Вероника Николаевна, мы выезжаем. На обратном пути заедем в кафе и перекусим.

«Вот какой правильный нашёлся. Там же есть наши эксперты. Нет чтобы сначала пообедать, а потом ехать. Так нет же: «Мы выезжаем», – думал Мурашов, но вслух проговорил:

– Ну что ж, поехали, старлей. На моей машине поедem, раз теперь работаем вместе, так будет быстрее.

Капитан Мурашов, скрепя сердце, повёл старшего лейтенанта к своей машине, открыл её и сел за руль. Новичок сел на пассажирское место. И уже через мгновение оперативники были на месте происшествия.

– Саш, ты узнай у Плетнёва о ситуации в целом, – сказал Сергей, увидев красивую девушку, – а я опрошу девушку-продавца.

– Что, влюбился с первого взгляда? – шутливым тоном спросил Скороходов.

– Кто? Я?? – удивился Мурашов.

– Ну а что, нет, что ли? Раз рвёшься опрашивать девушку, значит...

– Саш, прекрати, а? Я капитан уголовного розыска, а здесь по ходу уголовкой пахнет. Значит, я и обязан опросить. При чём тут «влюбился»?

– Да ладно, Серёга, я пошутил. Уже и пошутить нельзя. Кстати, как мне к нему обратиться? Я же с Плетнёвым не успел познакомиться.

– Нельзя. Иди работай, шутник. Пошутил он... А я пошёл в ювелирный салон, опрошу там. Ну, подойдёшь, сам спросишь. Всё, я ушёл.

Плетнёв, осматривая место происшествия и услышав ответ капитана старшему лейтенанту, покачал головой. Мурашов зашёл в ювелирный салон, Скороходов приблизился к Плетнёву и сказал:

– Здравствуйте, извините...

– Привет, Сань. Я Олег Макарович, – ответил Плетнёв, поняв, что он хотел спросить, – обращайся по имени и на «ты». Как первый день у нас?

– Хорошо. Мурашов мне не сказал, как к тебе обращаться, вот я и хотел спросить. Первый день – нормально.

– Да я слышал, как он с тобой разговаривал, – ответил Олег. – На твой вопрос, как ко мне обращаться, он, можно сказать, отмахнулся от тебя, сказав, чтобы ты сам у меня спросил.

– Олег, а Каретин уже уехал?

– Егор уехал с пострадавшими в пятую городскую больницу, – ответил Плетнёв. – Там двое раненых, один из них в тяжёлом состоянии. Второго слегка зацепило вроде бы. А вот что с третьим – не знаю. Да, кстати, Каретин просил ему перезвонить.

– Хорошо, – сказал Скороходов. – У тебя что? Что можешь сказать?

Плетнёв ответил, что, судя по протекторам, приблизительно в полуметре от ювелирного стоял джип и стреляли с этого же места. Гильзы он собрал, более точно скажет после баллистической экспертизы.

– И, видимо, одна пуля отрикошетила и кого-то зацепила, – продолжил Олег.

– А отпечатки пальцев снял в самом салоне? – спросил Александр.

– В самом салоне я ещё не работал, сейчас пойду туда. Решил сначала тут поработать, но предупредил, чтобы там ничего не трогали. Сейчас и там сниму отпечатки.

Плетнёв зашёл в ювелирный магазин, предварительно сняв отпечатки с ручки двери, в салоне он подобрал пулю и гильзу у прилавка. На крыльце Скороходов звонил Каретину:

– Привет, Егор. Это Скороходов. Как пострадавшие?.. Понял, а поговорить с ними можем?.. Только с Сухаревым и Караваевым?.. Ну хорошо, минут через десять-пятнадцать подъедем. Максимум через полчаса. Пусть никуда пока что не уходят.

Скороходов понял, что эксперты отнеслись к нему доброжелательно. «В общем, работать в таком коллективе можно», – решил он. А то, что Мурашов иногда прохладно с ним общается и, похоже, не рад его приходу, так всем понравится-

ся невозможно. Он вошёл в ювелирный салон вслед за Плетнёвым.

В салоне Мурашов беседовал с испуганной продавщицей Анжелой. Он попросил её рассказать, что произошло, и спросил, есть ли ещё свидетели, кроме них с охранником. Она возбуждённо рассказывала, что перед обедом в магазин ворвались трое и, угрожая оружием, потребовали деньги, ранив охранника, подкрепляя свой рассказ закатыванием красивых глаз и жестикуляцией холёных ручек.

У Мурашова от её действий пробежали мурашки. Он был не прочь с ней пофлиртовать. Но сейчас он на работе, не до флирта. Да и неизвестно, как новичок на это отреагирует. Возможно, когда-нибудь они с ней встретятся. Он подумал:

«А она симпатичная. Надо будет потом как-то с ней встретиться».

– Они угрожали оружием? – осведомился Мурашов, улыбнувшись Анжеле. – О чём-то между собой разговаривали?

Анжела, всхлипывая, ответила, что между собой грабители ни о чём не разговаривали. Они, как вошли, сразу стали стрелять в воздух, и один из них направил на неё пистолет и потребовал, чтобы она отдала ему всё, что есть в кассе.

– Много было выручки? – спросил Мурашов. – А двое других что делали?

– Выручки восемьдесят пять тысяч было, – сказала сквозь слёзы Анжела. – Мне теперь не рассчитаться, второй ранил

Андрея, охранника нашего. Третий стоял рядом с тем, который потребовал деньги.

– Анжела, успокойтесь, пожалуйста, – произнёс Сергей, давая одноразовый платочек и протягивая свою визитку, – мы их обязательно найдём. Вот вам моя визитка, если что-то вспомните, позвоните.

– Хорошо, я позвоню, если что-то вспомню, – проговорила Анжела.

– Но завтра вам нужно будет подойти в отделение и ещё раз под протокол дать показания. В одиннадцать сможете?

Оба были увлечены, и приход подтянутого, атлетической комплекции мужчины с букетом роз и коробкой конфет остался ими незамеченным. Ещё в дверях салона «Весна» он, а это был Станислав Рублёв, муж Анжелы, достал из нагрудного кармана билеты в театр и положил на коробку конфет. Он, ничего не зная о случившемся, радостно протягивая весь набор жене, выпалил:

– Анжела, любимая, поздравляю с пятилетием нашей свадьбы.

Но резко застыл на месте, увидев Мурашова и услышав его вопрос, сможет ли она подойти завтра в одиннадцать, взревел, вспылал:

– Это ещё кто?! Куда он тебя пригласил?!!

– Стас, нас сегодня ограбили. А это...

Капитан представился по форме, открыв своё удостоверение. Стас, саркастически ухмыляясь, бросил:

– Да я тебе таких двадцать покажу, – и неожиданно ударил капитана.

Сергей от удара пошатнулся, но удержался на ногах и резко нанёс ответный удар в солнечное сплетение. Это остановило Станислава, но, отдышавшись, он вновь бросился на Мурашова и, схватив с прилавка канцелярский нож, замахнулся им на капитана. Сергей был готов к такому повороту и выбил холодное оружие. Почувствовав несильную боль, Мурашов бросил взгляд на руку – на ладони показалась кровь. Лицо Стаса побагровело, и он, воспользовавшись тем, что Сергей отвлёкся, кинулся на него с криком:

– Ещё раз, тварь, увижу около своей жены – убью!

Ангела попыталась остановить мужа:

– Стас, что ты делаешь? Не трогай человека.

Рублёв, оттолкнув жену, схватил Сергея, между ними завязалась борьба. Стас продолжил осыпать бранью Мурашова, не давая ему нанести ответный удар. В это время в салон вошёл Скороходов и, увидев нелепость ситуации, гаркнул:

– Мужчина, успокойтесь!

Рублёв вздрогнул от неожиданности. Александр подумал:

«Если я применю удушающий приём – это будет превышение должностных полномочий. Но и друга бросить в беде не могу». – “Будь что будет, не могу остаться в стороне. Другого выхода здесь нет”, – решил он.

Скороходов, воспользовавшись возникшей паузой и захватив сзади шею Рублёва, сунул в лицо своё удостоверение.

Стас ослабил хватку, отпустив капитана и, резким движением выбивая удостоверение из рук, ударил Александра в лицо. И, повернувшись к нему, выдохнул с сарказмом:

– Я уже сказал вашему так называемому “коллеге”, что сейчас такие в любом метро можно купить.

Александр, вытирая кровь, запрокинул голову назад. Сергей поднял его удостоверение с пола и положил в его карман. В это время директор салона принёс флешку и, отдавая Мурашову, сказал:

– Вот, товарищ капитан, запись с камер видеонаблюдения. Кстати, вот и недавний инцидент тоже записан.

– Так вы что, правда менты?? – удивился Рублёв.

– Нет, инопланетяне, твою дивизию! – ответил Мурашов, вытирая кровь с разбитой губы и с руки. – Я же вам показывал свою корочку, а вашу жену я пригласил завтра в отделение для того, чтобы она ещё раз дала показания под протокол.

– А теперь уже и вас тоже ждём завтра, – добавил Скороходов. – Нападение на сотрудников полиции – это уже статья, – и обратился к Мурашову:

– Спасибо, Серёг.

– Вот, возьмите ватку, товарищ старший лейтенант, – сказал Караваев. – И, вы, товарищ капитан, возьмите ватный диск.

– Спасибо, Лев Яковлевич, – ответил Александр, взяв ватку.

– Нет, спасибо, мне не нужно, – буркнул Сергей.

Скороходов с Мурашовым вышли из ювелирного салона. Около машины Александр дал Сергею пачку кириешек со вкусом салями и сказал:

– Пока что так перехватим, нам сейчас нужно заехать в пятую больницу.

– Спасибо, Саш. Ты когда успел их купить? – довольно прохладно спросил Мурашов. – Мы вообще сегодня поедем нормально?

Александр ответил, что после опроса Плетнёва он сбегал в магазин, который за углом, и купил, добавив, что после больницы они заедут в кафе и перекусят нормально.

Из ювелирного салона Скороходов с Мурашовым поехали в больницу к пострадавшим. Это было обычное, ничем не примечательное белое здание. Взгляд невольно остановился на ярких темно-синих бабочках ирисов и разноцветных бокалах тюльпанов. Они зашли внутрь, в коридоре ходили пациенты, к кому-то пришли родственники. Послышался какой-то вой, побежали дежурные медсестры.

– Кому-то, наверное, стало плохо, – предположил Скороходов. Представившись по форме, Мурашов спросил у дежурной:

– В какой палате находятся поступившие сегодня в обеденное время молодые люди с огнестрельным ранением?

– Двое из них – в двести двадцать пятой, – ответила девушка, – один – в реанимации.

– К ним можно? – спросил Скороходов.

– К двоим можно, но ненадолго, – ответил проходивший мимо дежурный врач, – в реанимацию нельзя.

– Мы минут десять-пятнадцать займём, Рашид Каренович, – сказал Мурашов, успев прочитать имя на бейджике.

– Хорошо. Десять минут максимум, – разрешил Рашид Каренович.

Опера вместе с доктором зашли в палату, показывая пострадавшим свои удостоверения. Каретин отрапортовал им, что он осмотрел Дениса и Максима. Егор сказал, что Дениса слегка поцарапало, Максима зацепило.

– А вот Антону Сметанину повезло меньше. Он потерял много крови и сейчас в реанимации, – заключил Каретин.

Скороходов с Каретиным оставили Сергея с ранеными щец и вышли с доктором в коридор. Мурашов обратился к пострадавшим:

– Денис, Максим, вы сегодня были около обеда в ювелирном салоне «Весна»?

– Нет, не были, – попытался обмануть Денис Караваев.

– Мы заходили туда, – ответил Максим Сухарев и в недоумении посмотрел на друга.

– Так "да" или "нет"? – спросил Мурашов, посмотрев на друзей.

Караваев с Сухаревым, переглянувшись, продолжили молчать. Мурашов, посмотрев на них, сказал, что раз разговора не получилось, он должен их задержать до выяснения.

Сейчас они прокатятся в отделение, и Сергей будет вынужден оформить их в ИВС на сорок восемь часов.

– Не надо в отделение и оформлять никуда не нужно, – ответил Денис. – Ну да, были мы в «Весне», к моему отцу заходили просто. Надеюсь, это не запрещено?

– Это не запрещено. Когда выходили, видели что-нибудь подозрительное? – спросил Мурашов.

Максим рассказал, что когда они вышли с ювелирки и быстро пошли, из джипа, который, видимо, недавно подъехал, слышались мужские голоса. Потом из него вышли вроде бы трое и...

Денис продолжил, добавив, что неизвестные из машины стали палить по ним. Заметив ошибку, он, тут же извинившись, сказал: "стрелять", и добавил:

– Меня слегка поцарапало, Макса зацепило, но не сильно. Лёгкое ранение в руку, как доктор сказал.

– Вот только Тоха пострадал больше, – сказал Сухарев. – Насколько мы поняли, он в тяжёлом состоянии в реанимации.

Караваев предположил, что, видимо, их хотели убрать как ненужных свидетелей, так как, когда машина остановилась, были слышны обрывки разговора.

– Точно, они говорили, что-то вроде того, что им только этого не хватало, – продолжил Максим.

– Но в отделение в любом случае нужно будет подойти, – сказал Сергей, – зафиксировать ваши показания под прото-

КОЛ.

В коридоре больницы в это время между доктором Рашидом Кареновичем и старшим лейтенантом происходил следующий разговор:

– Рашид Каренович, какие прогнозы у Сметанина? – спросил Скороходов.

– Он потерял много крови, но угрозы летального исхода нет, – ответил доктор. – На данный момент Сметанин в искусственной коме.

– Через какое время он придёт в себя?

– Дня через два-три попробуем вывести его из состояния комы, – ответил Рашид Каренович.

– Рашид Каренович, когда к Сметанину можно будет, чтобы опросить его?

Мурашов вышел из палаты Караваева и Сухарева и, услышав крайние слова Скороходова, сказал:

– Я думаю, показания Антона Сметанина нам, скорее всего, не понадобятся.

– В смысле – не понадобятся? – спросил Александр и с недоумением, даже слегка испуганно посмотрев на Сергея, подумал:

«Неужели летальный исход? Да ещё в мой первый рабочий день».

Сергей, прочитав в глазах Александра немой вопрос и увидев на лице небольшой испуг, ответил:

– С ним всё в порядке. Его друзья рассказали уже всё, что они видели, я их пригласил в отделение, чтобы зафиксировать их показания под протокол.

Скороходов облегчённо выдохнул и сказал:

– Но и показания Сметанина в любом случае нужны будут.

– Я могу быть свободен? – спросил Рашид Каренович.

– Совершенно верно, вы можете быть свободны, – сказал Скороходов.

Доктор ушёл к себе. Скороходов с Мурашовым вышли из больницы. Вдалеке послышались гулкие раскаты грома, сверкнула молния, пошёл дождь. Александр сказал:

– Теперь можно и в кафе заскочить, перекусить, я здесь видел неподалёку кафешку, когда мы ехали сюда.

Сергей, недовольный тем, что по инициативе Александра пришлось вместо обеда ехать на вызов, сказал, открывая дверь со стороны водителя и съёживаясь от дождя:

– Ну наконец-то хоть перекусим нормально, а то весь день, можно сказать, маковой росинки во рту не было. Да ещё и промок. Саш, садись.

В кафе «Три тополя» было уютно, просторно, на окнах висели яркие занавески, стояла герань. Посетителей обслуживали доброжелательные официанты. Мурашов со Скороходовым сделали заказ, его принесли быстро.

Сергей положил в рот ложку картофельного пюре и, раз-

резая котлету, сказал:

– Саш, спасибо тебе, что ты оттащил от меня этого ревнивца. Я думал, он убьёт меня. Кстати, слушай, ты всегда такой правильный?

Скороходов, тоже разрезая котлету, с недоумением вопросительно посмотрел на Мурашова:

– В смысле? Сергей, что ты имеешь в виду?

Мурашов, откусывая котлету и запивая чаем, ответил:

– Мы же сначала могли спокойно пообедать, там же в любом случае Плетнёв с Каретиным были. Потом и выяснили бы всё.

– Серёг, – возразил Александр, – пока мы пообедали, а потом приехали бы на место происшествия, никого из наших уже не было бы.

– Позвонили бы потом да и узнали бы. В любом случае наши эксперты экспертизу и заключение по ней в отделении делают, – сказал Мурашов.

Старший лейтенант, положив в рот картофельное пюре и котлету, спросил:

– А кого мы опрашивали бы?

– Ну-у, может ты и прав, – сказал капитан, неохотно начиная соглашаться. – Но, похоже, я опоздаю сегодня.

– Куда опоздаешь? Домой?

– При чём здесь домой?! – раздражённо ответил Сергей. – Совсем в другое место, ты не в курсе! Это мои дела, тебе необязательно знать!

Из кафе Скороходов с Мурашовым приехали в Ильинское отделение, зашли в кабинет полковника Лемехова.

– Докладывайте, что у вас, – попросил Пётр Львович.

– Старший лейтенант Скороходов первый начнёт, – сказал Мурашов.

– Протекторы от джипа около ювелирного, – сообщил Скороходов, – в кассе отпечатки есть. А на витринах с украшениями – нет. Джип подъехал, видимо, во время ограбления кассы. Из какого оружия стреляли, точнее Олег скажет после баллистической экспертизы.

– Кассу ограбили трое в масках, – продолжил Мурашов. – Как я думал, подростки, но оказалось – молодые люди. Их же и ранили из джипа.

– Личности троих пострадавших установлены? – спросил Лемехов.

– Так точно! Это Антон Сметанин, Максим Сухарев и Денис Караваев, – ответил Мурашов.

– Караваев?? – удивлённо спросил Скороходов. – Это не сын ли директора салона?

– Совершенно верно, он сказал, что к отцу заходил, – ответил Мурашов. – И потом, когда они выходили, джип стоял и из него слышались мужские голоса. Завтра ещё должна прийти Анжела Рублёва – это продавец ювелирного салона «Весна» – и под протокол дать показания.

– Антон Сметанин в искусственной коме, – сказал Скороходов. – Пока что показания только со слов Сухарева и Ка-

раваева.

– Записи есть с камер? – спросил Лемехов.

– Есть, но ещё не смотрели, – ответил Мурашов.

– Пётр Львович, записи с камер мы завтра посмотрим, – сказал Скороходов, – я думаю, что их хотели убрать как ненужных свидетелей.

– На сегодня свободны. Работайте – и чтобы завтра хоть какие-то зацепки были, – строго произнёс Лемехов.

– А майор Овсянников ещё у себя в отделе собственной безопасности? – спросил Сергей. – Нам нужно ему заявление оставить.

Лемехов, посмотрев на часы, ответил, что ещё десять минут до конца рабочего дня и майор Овсянников должен быть на месте. Скороходов с Мурашовым пошли в отдел собственной безопасности. Когда они подходили к кабинету Овсянникова, Александр спросил:

– Сергей, может, не будем подавать заявы на Рублёва? Зачем человеку жизнь ломать?

– Будем, пусть отвечает за свои поступки, – ответил Мурашов, – к тому же он видел наши удостоверения.

– Может, ты и прав, он же прекрасно видел, – немного сомневаясь, сказал Александр, – ещё и подколол тем, что типа купленные.

– Не может, а прав, – ответил Сергей, – пошли быстрее, мне некогда уже.

Майор Марк Матвеевич Овсянников собрал все документы в стопочку и положил в сейф. Он позвонил дочери:

– Ритуль, скоро уже дома буду... Сейчас уже выхожу из кабинета, выключаю ноутбук... Что хочешь готовь. А, нет, немного задержусь, ко мне пришли, – услышал Марк Матвеевич стук в дверь и ответил:

– Да, войдите, – он вернулся к разговору с дочерью:

– Минут на десять-пятнадцать задержусь. Тебе что купить в магазине?... Хорошо.

Скороходов с Мурашовым вошли в кабинет майора. Овсянников спросил:

– С чем пожаловали ко мне? Кто вас так "разукрасил"?

Кабинет майора отдела собственной безопасности был не очень просторным, но Овсянникову нравился. Здесь на стене висели грамота и картина с изображением водопада, которую коллеги подарили ему на Новый год. На столе – настольная лампа. Освещение было слегка приглушённым, и это придавало кабинету какую-то таинственность.

Скороходов ощутил почти такой же уют и тепло, как в кабинете полковника Лемехова.

– С заявлениями о нападении при исполнении, – ответил Мурашов. – Да есть один, вот как раз на него и заявления.

Он положил своё заявление на стол майора. Александр скромно стоял в раздумье. Марк Матвеевич прочитал заявление капитана и спросил:

– Ещё доказательства есть? Кроме этих художеств на ваших лицах? – и, видя нерешительность старшего лейтенанта, спросил:

– Александр, а ты что своё не положил?

Мурашов подошёл к Скороходову, взял у него заявление и положил на стол Овсянникова. Потом вставил флешку в ноутбук майора и, показывая видео, ответил:

– Вот запись с камеры наблюдения. А старлей, видимо, думал – подавать заявление или нет.

– Кстати, он завтра подойдёт сюда вместе со своей женой, – сказал Скороходов. – Марк Матвеевич, получается, мы в ваш кабинет должны его отправить?

– Да, Александр, ко мне. Я его допрошу, – ответил майор Овсянников и улыбнулся. – Не нужно думать, раз написал, значит, нужно подавать. А там я разберусь.

Старший лейтенант почувствовал в интонации Овсянникова доброжелательность. Он понял, что новый коллектив его окончательно принял.

Капитан со старшим лейтенантом ушли от Овсянникова. На крыльце Сергей, посмотрев на часы, сказал:

– Ого, мне срочно нужно ещё в одно место. Почти опаздываю.

– Серёг, мне с тобой нужно ехать?

– Нет, Саш, я сам разберусь. Это уже мои дела, поезжай домой.

Скороходов, пожелав коллеге удачи, уехал. Мурашов, скрепя сердце, поблагодарил Александра и поехал в сторону бывшего магазина бытовой техники, на складе которого было расположено казино. Сергей припарковал машину, зашёл в игровой зал, в котором горел приглушённый свет, столы были покрыты зелёным сукном, за ними сидели игроки. Девушки подавали им разнообразные напитки.

Мурашов вспомнил своего отца, который работал в тогда ещё милиции. И как он напросился с ним в рейд по таким вот игровым заведениям. В то время ему было четырнадцать лет.

Был такой же знойный день, солнце обжигало палило. Сергей пришёл к отцу на работу, постучал в дверь его кабинета и, приоткрыв её, услышал:

– Майор Мурашов, сегодня у нас рейд по подпольным казино. Вы едете в качестве подкрепления.

Он, будучи подростком, зашёл в кабинет отца и попросил: – Пап, возьми меня тоже с собой.

– Серёжа, это очень опасно, – обнимая сына, возразил Мурашов-старший. – Это не игра в войнушку. Но если Александр Андреевич не будет против...

Сергей умоляющим взглядом посмотрел на подполковника Барсукова:

– Александр Андреевич, можно мне с папой, пожалуйста? Я понимаю, что это не игра и всё серьёзно.

– Серёженька, я ничего не имею против, – ответил

подполковник, не устояв перед умоляющим взглядом подростка, и обратился к его отцу:

– Майор Мурашов, возьмёте сына? Пусть парень посмотрит нашу работу. Думаю, Серёже это будет полезно.

– Если это приказ... – сказал Пётр Дмитриевич.

– Скорее просьба, Пётр Дмитриевич, – ответил Барсуков. – Но, если хотите, можете считать приказом.

– Тогда поехали, Серёж, – сказал отец.

Через некоторое время они были у здания одного из казино, оно было оцеплено ОМОНОм. Бойцы спецподразделения уже выводили из казино управляющего и владельца игрового заведения. Управляющий как-то вырвался и побежал, Мурашов-старший попытался его остановить, но он, выхватив пистолет, выстрелил два раза. Пётр Дмитриевич упал, Сергей подбежал к нему:

– Папа, папочка, что с тобой?

Он от неожиданности растерялся и впал в ступор. Но, тем не менее, порвал свою рубашку и стал перевязывать отца.

– Всё хорошо, сынок. Просто небольшое ранение, – ответил Пётр и потерял сознание.

Раздался вой sireны скорой помощи, кто-то догнал управляющего казино, кажется, папин начальник, другие люди в форме надели на него наручники

и повели в машину.

Мурашов-младший видел всё это, словно в тумане. Потом – темнота. Доктор дал ему под нос ватку, смоченную нашатырём, он открыл глаза и спросил:

– А где папа?

– Серёж, папа в больнице, – сказал Барсуков. – Он ранен.

– Он живой? – чуть не плача, спросил подросток. – Я видел, в него стреляли, я начал перевязывать папу, потом стало темно.

Александр Андреевич обнял его и ответил:

– Ну что ты раскис? Ты мужчина, мужчины не плачут. Конечно, живой. Ты молодец, не растерялся, – подбодрил подростка Барсуков, – вовремя сориентировался. Поехали к папе.

В коридоре больницы ходили врачи, кого-то привезли на скорой. Раздался протяжный вой, после чего побежали дежурные медсёстры и врачи. Мурашов-младший спросил у Барсукова:

– Дядя Саша, куда они все побежали?

– Наверное, кому-то плохо стало, – ответил подполковник и, показывая удостоверение девушке на ресепшене, спросил, прочитав имя на бейджике:

– Лиля, подскажите, пожалуйста, в какой палате Мурашов Пётр Дмитриевич, поступивший минут двадцать-тридцать назад с огнестрелом?

– В тридцать пятой, – ответила Лиля.

– Папе плохо? – спросил Сергей у Барсукова.

– Нет, не папе. Кому-то другому, – ответил Александр Андреевич. – Мы сейчас с тобой к папе пойдём.

Мурашов-младший и Барсуков зашли в палату. Сергей, волнуясь, подошёл к отцу и спросил слегка дрогнувшим голосом:

– Папочка, как ты? Я испугался за тебя.

Пётр Дмитриевич обнял сына:

– Серёжа, всё хорошо. Ты чего дрожишь?

– Не знаю, – пожал плечами Сергей.

– Сын у тебя молодец, Петь, – ответил Барсуков, – несмотря на то что растерялся, моментально среагировал на твоё ранение и перевязал тебя.

– Папа, я как окончу школу, поступлю на юриста в школу милиции, – сказал Сергей, – буду в милиции работать, как ты.

– Молодец, сынок. Я горжусь тобой, – ответил Пётр. – Я подам рапорт на увольнение по ранению...

Капитан Мурашов сел за игровой стол и подумал:

«С одной стороны, хорошо, что отец тогда уволился из органов по ранению. Но опять же, с другой, если бы он до сих пор работал и у него был бы очередной рейд – это что, мне пришлось бы стрелять в него? Нет, я бы не смог в родного отца выстрелить, но тогда пришлось бы...»

– Делайте ваши ставки, господа, – сказал крупье.

– Минимум три тысячи на красное, тридцать, – сделал свою ставку Мурашов и подумал:

«Даа, сейчас здесь по-другому стало».

Остальные игроки тоже сделали свои ставки на разные суммы, числа и цвета.

– Ставки сделаны, ставок больше нет, – сказал крупье и запустил рулетку. Когда колесо остановилось, он сказал:

– Выиграло число тридцать, красное.

Затем крупье собрал деньги проигравших и подвинул Мурашову. Сергей взял их и под предлогом того, что ему нужно немного передохнуть, ушёл в комнату отдыха. Затем зашёл в слепую зону вип-комнаты и позвонил:

– Добрый вечер, Альберт Леонидович... я выиграл девять тысяч... Хорошо, сделаем... Нет, меня никто не видит... Да, понял... теперь послезавтра?... Хорошо, до свидания.

После телефонного разговора Мурашов вернулся в игровой зал. Крупье снова сказал:

– Делаем ставки, господа.

– Всю сумму на тридцать пять чёрное, – сделал свою ставку Мурашов.

Остальные игроки снова сделали разные ставки на различные суммы.

– Ставки сделаны. Ставок больше нет, – снова сказал крупье, запуская рулетку.

– Выиграло число двадцать два красное, – произнес он, снова собирая проигранные суммы.

– Сегодня не мой день, – сказал Мурашов, отдавая проигранные деньги крупье.

– Вы можете отыгратья, – предложил крупье.

– Пожалуй, в другой раз, не сегодня, – ответил Мурашов, – не буду рисковать.

– Хорошо, ждём вас в другой раз, – ответил крупье, – до свидания.

– До свидания, – сказал Мурашов, вышел из казино, сел в машину и поехал домой.

«Саша придёт с работы, ему сюрприз будет», – подумала Камилла, доставая из духовки торт. – *Интересно, как ему новый коллектив?»*

Она поставила торт на стол и стала взбивать белковый крем. – "Придёт, спрошу", – решила Камилла.

Осмотрев кухню, Камилла прошла по квартире. Новая квартира была небольшой, но, тем не менее, просторной, светлой. На её телефоне раздалась мелодичная трель звонка, она, увидев на дисплее имя мужа, ответила:

– Да, любимый.

– Ками, любимая, я уже скоро, точнее, сейчас дома буду, – сказал Скороходов, поднимаясь по лестнице.

Он зашёл в квартиру, обнял подбежавших к нему детей:

– Папа пришёл! – воскликнула старшая девочка.

– Крёстный вернулся с работы! – радовалась младшая.

Скороходов вместе с детьми прошёл в кухню, поцеловал жену, которая украшала торт кремом, при детях – в щёчку. Она ответила взаимным поцелуем. Он прошёл в зал, повесил на стену картину с изображением соснового бора, над диваном – плотный шерстяной ковёр, доставшийся ему в наследство от прабабушки по отцовской линии.

– Саш, Яна, Олеся, идите ужинать, – позвала Камилла.

– Минутку, Ками, – ответил Александр, – ещё ковры в детской повесить осталось.

Александр аккуратно сложил в книжный шкаф журналы о рыбалке, которой он увлекался в детстве. Да и сейчас был не прочь порыбачить в свободное время, но переезд на новое место временно приостановил его увлечение.

Девочки в своей комнате поставили на письменный стол ноутбук, светильник-«аквариум», и включили его.

Камилла накрыла на стол и ещё раз позвала:

– Саш, Яна, Олеся, идите ужинать. После ужина повесишь ковёр.

Александр с детьми шумно рассаживались за столом.

– Ураа! Пельмешки, – сказала Яна, кареглазая девочка с русыми волосами почти до пояса. – Я с майонезом буду, – она достала из холодильника майонез.

– А я – с кетчупом, – сказала Олеся, черноволосая девочка с голубыми глазами и стрижкой каре, и налила кетчуп в свою тарелку с пельменями.

– Яночка, мне тоже положи, пожалуйста, майонез, – попросил Скороходов.

Яна положила отцу в пельмени майонез, Камилла спросила у мужа:

– Саш, как дела на новой работе? Как коллектив принял тебя?

– Дела на работе – хорошо. Коллектив принял нормально, – ответил Скороходов, обнимая жену. – Как у ребятшек дела? Что в школе сказали?

– У нас тоже хорошо. Документы сдали, – ответила Камилла, – завтра девочкам в новую школу. – Кстати, холодильник стал током бить.

– Я в восьмом "А" классе, – сказала Яна. – В коридоре я с девочкой познакомилась и с её младшей сестрой. У неё красивое имя Глафира, сестренку Ульяна зовут.

– Это хорошо, что в школу приняли. Олеся, а тебя в какой класс определили? – Александр обратился к жене:

– Камилла, у тебя как с работой? А холодильник новый купим. Он же у нас давно ведь, уже пора менять.

– Крёстный, я пока что не знаю. Завтра скажут, в каком классе буду учиться, – ответила Олеся. – Мне дали несколько заданий, я их выполнила.

– А я завтра буду звонить по объявлениям, – сказала Камилла. – Но новый же дорогой ведь.

– Хорошо, Ками, как найдёшь работу, потом скажешь. А холодильник в кредит возьмём.

– Конечно, Саш, скажу. Сейчас помою посуду, потом немного телевизор посмотрим – и спать. Сегодня у нас у всех непростой день был. Кстати, ты прав, этим холодильником уже опасно пользоваться. Мне уже тридцать семь.

Камилле этот холодильник был дорог как память о бабушке по отцовской линии, поэтому они не покупали новый. "Работает, пусть пока что будет", – решили они, когда поженились. Но сейчас иного выхода не остается, нужно другой покупать.

– Мам, пап, идите отдыхайте. Мы с Лесей сами уберём со стола, – сказала Яна.

– Я ещё ковры в вашей комнате повешу, – ответил Скороходов дочери.

Александр в детской повесил над кроватями два плюшевых ковра, на которых были изображены олени на водопое. И, видимо, от них в комнате было сказочное ощущение. Девочки убрали со стола, вымыли посуду и пошли в свою комнату, Яна похвасталась:

– Пап, мы с Лесей уже почти сплели из бисера брелок для ключей.

Скороходов помог девочкам завершить брелок, и они тут же начали плести браслеты себе. Камилла с Александром, оставив их, пошли в зал.

Яна с Олесей собрали портфели на утро, ещё немного поиграли в компьютерные игры и улеглись спать. Родители смотрели по телевизору очередной сериал, Александр ска-

зал:

– Завтра надо будет проставиться. Продукты для проставы утром куплю.

– Саш, я торт испеку и салаты сделаю, – ответила Камилла.

– Ками, лучше пирожные бисквитные.

– Хорошо, Саш. Олеся уже совсем взрослая становится.

– Жалко, что Инна этого не видит, – обнял жену Александр, – и увлечения у неё неплохие.

– Ничего, воспитаем, думаю, что скоро она папой станет называть тебя, – в ответ обняла мужа Камилла, – хотя ты и так ей второй папа.

– Да, ты права, Ками, – сказал Александр, – к тому же мы Инну уже не вернём. Мы у неё есть, хорошо, что отец Олеся в своё время так и не вышел из мест не столь отдалённых. Из-за него не стало её и второго ребёнка. Ладно, не будем о грустном.

Виолетта жарила картошку, она ждала мужа с работы и говорила сама себе вполголоса:

– С минуты на минуту Серёжа должен приехать.

Услышав шум машины, она посмотрела в окно и, увидев машину мужа, подумала:

«Что-то он поздно сегодня. Неужели с кем-то встречается...»

У неё иногда возникали подобные мысли, временами появлялась ревность. В такие моменты она успокаивала себя

тем, что если бы у него кто-то был, он бы давно ушёл от них, только, возможно, дети его держат. И он не хочет, чтобы племянницы оказались в детдоме.

Квартира Мурашовых была просторной – целых три комнаты. Когда им предоставили эту квартиру, Виолетта предложила из зала сделать гостиную. Сергей согласился. "Когда Матвей со Снежаной будут приезжать, будет где ночевать им", – решил он тогда. – Они даже не предполагали, что судьба распорядится по-своему и Сергей будет воспитывать племянниц. Да и Виолетта пять лет назад не была против того, чтобы он взял к себе детей брата.

Мурашов, вернувшись с работы, прошёл в кухню и поцеловал Виолетту. В гостиной он подошёл к стенке, в которой стояли сувенирные кружки с их с Виолеттой изображением и тарелка с изображением Матвея со Снежаной и Глаши с Улей на фоне берёзового леса. Они были очень дороги им, так как их подарили Матвей со Снежаной незадолго до их отъезда в командировку. Сергей достал из стенки тарелку и сказал вполголоса:

– Матвей, как мне тебя сейчас не хватает... Зачем вы со Снежаной тогда полетели из командировки тем злосчастливым рейсом? Девочки уже совсем взрослые становятся...

– Дядя Серёжа, – зашли Глафира с Ульяной.

Сергей хотел поставить тарелку назад, но Глаша остановила и спросила, обняв его:

– Дядя Серёжа, тебе тоже нравится эта тарелка? И ты тоже

скупаешь по нашему папе?

Он обнял девочек и ответил:

– Да, мои хорошие. Мне Матвея очень не хватает.

– А мы с тётей Виолеттой сегодня вышивали полотенце, – похвалилась Глафира, – я узор ягод сделала. Оно в ванной висит.

– А я – грибочки и цветочки, – продолжила Уля и тоже обняла Сергея, – а берёзы и траву тетя Виолетта вышила.

Мурашов похвалил их, они убежали к себе. Он продолжил разговор с изображением брата и его жены:

– Видите, какие ваши дочки молодцы. Виола научила их вышивать крестиком. Матвей, как хорошо, что ты в своё время научил меня метать дротики.

Сергей, поставив тарелку в стенку, подошёл к тумбочке, на которой стоял телевизор, открыл её и достал дротики, находившиеся среди небрежно лежавших журналов про охоту. Он взял один из журналов, пролистал и вспомнил, как они с отцом и братом ходили на охоту. Да и сейчас он был не прочь поохотиться, когда выдавалось свободное время. Положив журнал на место, он взял дротики и стал яростно их метать.

– Серёж, на работе проблемы? – спросила Виолетта, услышав характерные звуки. Она знала, что если у мужа были проблемы на работе, то он всегда очень яростно метал дротики.

– Да, есть немного, – ответил Мурашов.

Виолетта, накрыв стол, позвала семью ужинать, сама села

за стол вместе с мужем и детьми и, откусывая хлеб с колбасой, сказала:

– Серёж, что-то ты поздно сегодня.

Мурашов положил в рот жареную картошку и ответил:

– Да на работе немного задержали.

Виолетта, отхлёбывая чай, спросила у мужа:

– Кстати, Серёж, а как новый человек? Ты говорил, что к вам должны были прислать на работу нового человека вместо Беркутова. Прислали?

– Прислали, Виола, но лучше не присылали бы, – недовольным тоном ответил Мурашов.

– Почему? – спросила Виолетта.

– Как у детей в школе дела? – попытался уйти от ответа Мурашов.

– У нас в школе всё хорошо, пап, – ответила Глафира, не заметив, что назвала дядю долгожданным словом «папа». – Завтра к нам в школу придут новенькие девочки. Я с ними познакомилась в коридоре, у нас как раз перемена была.

– Я тоже познакомилась. Олеся вроде в наш класс, в шестой придёт, – сказала Ульяна. – Хотелось бы, чтобы к нам в класс и чтобы её со мной за одну парту посадили.

– А Яну, надеюсь, в наш класс определят, – сказала Глаша. – Даже если в параллельный, всё равно будем дружить.

Девочки поужинали, сказали «спасибо» и, помыв за собой посуду, пошли в свою комнату смотреть мультики. Виолетта снова спросила мужа:

– Серёж, почему ты сказал, что лучше бы не присылали к вам на работу нового человека? Ты так и не ответил мне.

Мурашов, по-прежнему недовольный тем, что ему пришлось вместо обеда ехать на вызов, ответил жене, отодвигая тарелку:

– Чересчур умный и правильный, хочет выслужиться перед новым начальством. Оставалось пятнадцать минут до обеда, и тут Ежова сказала, что у нас кража. Я заикнулся об обеде, этот выскочка Скороходов сказал: «Неужели обед важнее чьих-то жизней?» Ну и в итоге нам пришлось ехать на вызов. Вот только недавно перехватили в кафешке. С Беркутовым было проще работать, с ним мы, пока ехали, заезжали в кафешку, перехватывали пару бутеров и потом отправлялись дальше.

– Вообще-то, на мой взгляд, он прав, – поцеловала мужа Виолетта. – В первую очередь нужно выезжать по адресу, с которого поступил вызов, а уже потом...

– Прав?! Чего это ты его защищаешь?! – перешёл на повышенный тон Сергей, нервно перемешивая вилкой картошку в тарелке.

– Я его не защищаю, – ответила Виолетта, – просто хочу сказать, что он правильно поступил, пожертвовав обедом ради вызова.

У Мурашова после этих слов жены появилось какое-то чувство, которое он не мог объяснить. Да ведь это же внезапная ревность! В пылу этой неожиданной ревности ему пока-

залось, что, возможно, Виолетта с Александром знакомы. И он, сам не осознавая того, что говорит, выкрикнул:

– А с чего это ты вдруг на его стороне?! Может, вы с ним встречаетесь у меня за спиной?! Я, наверное, чего-то не знаю?!!

Вскочив из-за стола, Сергей бросил вилку на тарелку и резко отодвинул её.

– Я в гостиную пошёл! Телек посмотрю!

Виолетта, не выдержав несправедливых обвинений и подозрений мужа, тоже перешла на повышенный тон и, дав Мурашову пощёчину, сказала:

– Сергей, ты что такое говоришь?! Я ни с кем не встречаюсь и люблю только тебя! Я вообще даже не знаю, о чём и о ком ты говоришь!

Мурашов, остановившись у дверей, обернулся:

– Не оправдывайся! Я в гостиную и к детям зайду.

– Я не оправдываюсь. Я ни в чём перед тобой не виновата, – ответила Виолетта. – Серёж, ты же практически ничего не поел.

– Спасибо, я уже наелся! Аппетит пропал!

Мурашов по пути в гостиную заглянул в детскую пожелать «спокойной ночи и приятных снов». Девочки попросили его помочь им собрать кубик Рубика, он помог им. Сергей всегда успокаивался, когда собирал кубик Рубика. А сейчас он был раздражён. Мало того, что новенький пришёл. Да ещё и жена почему-то заступает за него. В подобных ситуаци-

ях отвлекаться на собирание кубика Рубика его научил отец, сказав, что это успокаивает и в будущем пригодится.

Виолетта, убрав со стола, тоже зашла в детскую, пожелала добрых снов девочкам, потом – в свою комнату. Сергей понял, что он несколько минут назад наговорил много лишнего. Сейчас он чувствовал вину перед Виолеттой и, в надежде на примирение, обнял жену:

– Виола, прости меня за мою выходку.

Виолетта в данный момент не желала видеть мужа после его несправедливых обвинений в измене. *«Ещё хватило совести прийти после того, как бросил вилку на тарелку и резко отодвинул её, – думала она. – Да из-за своей ревности толком не поел, психанул из-за того, что я всего лишь сказала, что его напарник прав. А он возомнил себе неизвестно что, якобы мы встречаемся у него за спиной...»*

Она, высвободившись из объятий мужа, молча подошла к шкафу, достала постельное бельё, повернулась к мужу:

– «Прости??» Сначала накричал, заподозрил в измене, да ещё и неизвестно с кем! С человеком, которого я вообще не знаю. Теперь пришёл и думаешь, одного твоего «прости» доста...

Сергей снова обнял Виолетту и поцеловал её. Она оттолкнула его и, сунув в руки подушку с постельным бельём и одеялом, сказала, что сегодня он спит в гостиной. Ей неприятно.

но было слышать от него, что она будто с кем-то встречается у него за спиной. Мурашов, вздохнув, взял бельё и вышел из комнаты. Постелил себе на диване в гостиной. В ванной, умывшись перед сном, он, вытирая полотенцем лицо, вспомнил слова Глафиры: «У нас в школе всё хорошо, папа...»

Сергей от радости, что Глафира наконец назвала его папой, подкинул полотенце вверх, поймал его. Он только сейчас заметил, что взял вышитое полотенце и, улыбнувшись, повесил его на место. Потом, хлопнув себя по ноге, пошёл в гостиную, включил на минимальную громкость телевизор и начал мысленно прокручивать разговор с женой.

– Это экстренный выпуск программы «Новости», – сказал диктор. – Сегодня в Краснодарском крае разбился самолёт, следовавший рейсом Краснодар – Барнаул. Есть пострадавшие, десять человек, остальные погибли сра...»

На этих словах Сергей выключил телевизор и стал вспоминать, как они с Матвеем играли в детстве, ходили в походы; затем – свадьбу Матвея со Снежаной, свою первую встречу с Виолеттой и первую ссору с ней, слова Матвея перед последним полётом: «Серёг, старайся менять характер. С твоим взрывным темпераментом ни жены, ни друзей не будет». Потом повернулся на бок и вспомнил звонок полицейского и его слова о том, что он сожалеет, но его брат со своей женой погибли в авиакатастрофе.

Виолетта в своей комнате тоже вспоминала их встречу с

Мурашовым, его сегодняшний разговор и то состояние Сергея, когда ему сообщили о гибели брата. Затем вытерла слёзы, выступившие от несправедливого обвинения в измене, и укрылась одеялом.

Утро в обеих семьях началось обычно, все члены семьи позавтракали. Только в семье Мурашовых начало рабочего дня выдалось напряжённым, отношения между мужем и женой были натянутыми. Скороходов поехал на работу, по пути подвёз детей до школы. Перед уходом мужа на работу, а детей в школу Камилла поцеловала Александра и Яну с Олесе́й.

У Мурашовых утро началось с точностью до наоборот: Виолетта поцеловала только детей, мужа – нет. Сергей своих детей тоже подвёз к школе, разминувшись с Александром.

В шестом классе представили Олесю Скороходову и посадили за одну парту с Ульяной. В восьмом классе, после того как познакомили класс с Яной, её посадили с Глафирой.

На перемене Яна спросила у Глаши, любит ли она французские духи. Девочка ответила, что им нравятся французские духи, но они дорогие и их семья не всегда может позволить себе такие. Яна тут же поинтересовалась, слышала ли она о компании «Бонамор»?

– Нет, Ян, не слышала. А что это?

Яна, рассказывая Глафире о компании, объяснила, что регистрация бесплатная, никаких данных не нужно, кроме её

имени и фамилии. Глаша осведомилась: если она долго не будет делать заказ, её удалят?

Яна, записывая свою электронную почту, соцсети и номер телефона, ответила, что не удалят. Сейчас она вышлет более подробную информацию.

Глафира добавила Яну в друзья и в контакты и сказала, отправляя ей сообщение в агент:

– Ну не знаю даже, заманчиво, но у меня же нет своих денег.

– А родители не разрешат? Спроси у них. К тому же каждый месяц не нужно заказывать, если ты для себя просто покупать будешь.

– Мм, даже не знаю. Папа вряд ли разрешит, мама – возможно, – пожав плечами, сказала Глафира, не заметив, что назвала тётю любимым словом «мама».

Глафира позвонила Виолетте, она разрешила ей зарегистрироваться, но попросила спросить ещё разрешения у Сергея. Девочка положила трубку, затем перезвонила Мурашову:

– Привет, пап... Не занят?.. Хорошо... Пап, мне Яна рассказала о новой парфюмерной компании... Название? "Бонамор"... Там дешёвые французские духи и не только духи... Регистрация бесплатная, можно мне зарегистрироваться?.. Но почему "нет"? Не каждый же месяц заказы делать, – со слезами в голосе спросила Глафира и хотела кинуть теле-

фон об стену.

Яна перехватила руку новоиспечённой подружки и сказала:

– Глаша, телефон здесь ни при чём.

– Яна, отпусти меня. Я всё равно разобью телефон, – Глафира попыталась выдернуть свою руку, но тщетно.

Яна спросила у подружки, что ей сказал папа. Глаша, всхлипывая, ответила, что он не разрешает ей, а она хочет попробовать. Яна возразила:

– Думаешь, что если ты разобьёшь телефон, папа тебе разрешит? От этого ничего не изменится.

– Да не папа он мне, а дядя Серёжа, – в пылу обиды и сквозь слёзы сказала Глаша и заплакала, закрыв лицо руками, – папа с мамой разрешили бы. Лучше бы уж нас в детский дом тогда забрали.

– Глаш, не плачь, мама же тебе разрешила, насколько я поняла. В детском доме было бы хуже. Я уверена, что папа тебя поймёт и разрешит. Я потом видео тебе пришлю.

– Да не мама мне разрешила, а тетя Виолетта. И не папа он мне, зря я его вчера «папа» назвала, – ещё сильнее заплакала Глафира и сквозь слезы сказала:

– Не могли мы с Ульяной тогда оказаться в том самолёте, в котором разбились мама с папой...

– Глаша, успокойся, не кричи, – обнимая подружку, ответила Яна. – Обязательно всем знать. Ты что такое говоришь?

– Яна, мне всё равно, – возразила Глафира, – когда-нибудь я напишу в органы опеки заявление, чтобы меня забрали в

детский дом.

– Глаша, не делай непоправимой ошибки, – ответила Яна. – Если тебя удочерят, неизвестно, в какую семью попадёшь.

Телефон всё это время был включен, и Мурашов слышал весь разговор девочек. У него в голове прозвучали слова Глафиры: «У нас в школе всё хорошо, пап...», «да не папа он мне, а дядя Серёжа...»; «не могли мы с Ульяной тогда оказаться в том самолёте, в котором разбились папа с мамой...»

Он позвал:

– Глафира, Глаша.

Яна, услышав в трубке голос, взяла телефон и сказала:

– Это не Глаша. Меня зовут Яна, я одноклассница Глаши, а вы – дядя Серёжа?.. Очень приятно... Глаша плачет, что вы... Да, из-за того, что вы не разрешаете ей зарегистрироваться... Там каждый месяц не нужно покупать... Хорошо, сейчас включу громкую связь.

Яна поставила телефон на громкую связь, Мурашов сказал:

– Глафира, это правда?

– Что конкретно? – сквозь слёзы и недовольным тоном спросила Глаша.

– То, что напишешь заявление в органы опеки, чтобы тебя забрали в детский дом? – спросил Сергей.

– Не знаю, может, и правда, – ответила Глаша.

– Прости, дочка, что не разрешил, – сказал Мурашов. –

Сейчас у меня рабочий день. Потом позвоню и скажу своё решение.

– Подумаю ещё, вчера маму обидел, – произнесла Глафира, сегодня меня довёл до слёз.

– А откуда ты... – спросил Сергей.

– Знаю, слышала вчера, – ответила Глаша и отключилась.

Прозвенел звонок на урок.

– Сергей, ты чего такой смурной? – спросил Скороходов. Мурашов, всё ещё относясь к новому сотруднику с недоверием, ответил довольно прохладным тоном:

– Да так, семейные проблемы.

– Что случилось? Может, я смогу чем-то помочь?

– Нет, Саш, ты ничем не поможешь. Отстань, сам решу свои проблемы.

– Ладно. Но, если что, всегда можешь рассчитывать на меня. Да, Серёг, а что у нас по делу о краже в ювелирке?

– Скоро должны подойти потерпевшие для дачи показаний под протокол, – ответил капитан Мурашов, посмотрев на часы. – Через полчаса уже должны быть.

– Значит, ждём, – ответил старший лейтенант Скороходов, – ещё же Рублёв должен подойти к майору Овсянникову.

– Ну да, придёт, мы его отправим к Марку Матвеевичу, – ответил Мурашов.

Караваев с Сухаревым в баре заказали пиво, по три пачки

солёного арахиса и по солёному сыру-«косичке». Макс, отпивая пиво и заедая солёным сыром, сказал:

– Слушай, Дэн, мы же типа под протокол ещё должны вроде как показания дать?

– Ну, типа да, вроде бы, должны, а что? – ответил Денис, тоже отпивая пиво и заедая солёным арахисом.

– Нам же этот мент сказал, что в отделение надо будет подойти и дать показания под протокол. Я тут подумал: может, нам сознаться?

– Сухарь, ты с дуба рухнул? В чём сознаться?

– Ну, что это мы... Короче, признаться в том, что это мы кассу обчистили.

– Ага, мы признаемся в том, что кассу грабанили; а они на нас ещё и кражу брюликов повесят и впаяют хороший срок.

– Каравай, по-моему, это ты с дуба рухнул. Тоха-то в коме, придёт в себя и тоже потом даст показания и, естественно, укажет на нас.

– Значит, надо сделать так, чтобы Сметана не вышел из комы.

– Э-э-э, ты о чём, Дэн? Я на это не подписывался, в мокрухе участвовать не буду.

– И что ты предлагаешь? За решётку отправиться?

– Почему сразу за решётку? Дэн, я предлагаю добровольно признаться, – ответил Макс. – Ты как хочешь, а я пойду в ментовку. По-любому менты раскопают всё.

Караваяев помолчал несколько минут, потом сказал, отпи-

вая пиво и доставая из пачки арахис:

– Срок по-любому получим, конечно. Наверное, ты прав. У тебя же есть визитка этого мента Мурашина или как его?

– Не наверное, а прав. К тому же, если станем сотрудничать со следствием, как у них это называется, минимум получим подписку, максимум – исправительные работы. Да, визитка капитана Мурашова есть.

– Звони тогда, скажи, что придём. К тому же мы джип видели. Правда, ни номера, ни бандитов толком не видели.

– Ну, серии и две цифры разглядели. Но у них же должна какая-то программа быть, – ответил Сухарев, набрав номер Мурашова:

– Алло, Сергей Петрович, это Максим Сухарев... да, вы у нас в больнице вчера были. Когда мы можем к вам подойти?.. Ага, вспомнили... Завтра к двенадцати?.. Сможем... Хорошо, придём.

Денис с Максимом попросили счёт.

– Да, Петя. Пропусти к нам, – сказал Александр, ответив на телефонный звонок, – дальше мы сами.

– Проходите в сто десятый кабинет, – сказал Пётр из дежурной части.

– Да, войдите, – ответил Мурашов на стук в дверь.

– Мы по поводу вчерашнего ограбления нашего салона.

– Вам, гражданка Рублёва, в сто пятнадцатый кабинет к следователю Ежовой, – сказал Мурашов. – А вам, гражда-

нин, в сто тридцать пятый кабинет к майору Овсянникову. Саш, проводи женщину к Веронике Николаевне, а я провожу гражданина Рублёва к Марку Матвеевичу.

Старший лейтенант и капитан проводили Рублёвых в кабинеты и вернулись к себе.

Ежова посмотрела паспорт Рублёвой, записала данные и сказала:

– Меня зовут Вероника Николаевна, я веду дело по ограблению вашего ювелирного салона «Весна». Анжела Юрьевна, расскажите ещё раз, что вы знаете о вчерашнем происшествии в вашем салоне?

– Вероника Николаевна, я уже говорила вашим коллегам: где-то около часу дня в наш салон вбежали трое в масках с дырочками.

– С прорезями для глаз? – спросила Ежова, записывая ответы.

– Да, и сразу стали стрелять в воздух, затем один из них направил на меня пистолет и сказал: «Собирай все деньги, что есть в кассе, – и без глупостей. Нажмёшь на кнопку – пристрелю». После этих слов он выстрелил по охраннику. Я собрала всю сумму и отдала.

– Анжела Юрьевна, вы в руки им отдали деньги?

– Нет, у них сумка была большая, болоньевая. Я туда положила восемьдесят пять тысяч; Андрей, наш охранник, попытался их остановить и был ранен.

– Как – ранен?? В больницу он тоже был доставлен?

– Нет, его только слегка поцарапало, как сказали ваши эксперты. Мы со Львом Яковлевичем сами перевязали ему рану.

– А потом что было?

– Они потом выстрелили в пол и ушли. Андрею мы рану уже после их ухода перевязывали.

– И ювелирные изделия тоже они прихватили?

– Нет, это уже другие из подъехавшей иномарки. Когда эти молодые люди вышли... извините, Вероника Николаевна, можно водички, пожалуйста?

Ежова налила из графина стакан воды и дала Рублёвой. Анжела, отхлебнув, продолжила:

– Маски они снимали на ходу, когда вышли. Из подъехавшей иномарки по ним стали стрелять, потом эти бандиты направились в сторону нашего салона.

– Получается, драгоценности украли неизвестные из иномарки?

Анжела сделала ещё несколько глотков воды и ответила:

– Наверное, они, я, когда увидела, что из иномарки выстрелили по этим молодым людям, упала в обморок. А когда меня привели в чувство, ни драгоценностей, ни иномарки уже не было; уезжала «скорая» и ваши коллеги на улице работали.

– Спасибо. Вот, прочитайте и распишитесь здесь: «мною прочитано», «с моих слов записано верно».

Анжела, прочитав протокол допроса, расписалась и отда-

ла его Ежовой. Вероника Николаевна подписала ей пропуск и, давая свою визитку, попросила передать её Андрею и сказать, чтобы он позвонил ей и сказал, когда сможет подойти и дать показания по поводу неизвестных из иномарки. Рублёва взяла визитку со своим пропуском и ушла.

– Сергей, чай будешь с бутербродами? – спросил Скороходов.

– Не откажусь, Саш. С утра сегодня не позавтракал толком.

Скороходов налил чай Мурашову и себе и поставил на стол тарелку с бутербродами с колбасой и сыром. Сергей, откусывая бутерброд и, запивая чаем, решил рассказать коллеге о проблемах:

– Спасибо. Саш, несколько минут назад ты спрашивал, почему я такой смурной. Я, можно сказать, почти нагрубил и послал тебя в мягкой форме.

– Да ладно, забудь, – ответил Александр, тоже откусывая бутерброд и отхлёбывая чай.

«Может, я зря ему так резко ответил с утра? – подумал Мурашов. – А он ведь даже не обиделся».

Сергей в надежде на то, что, возможно, Александр сможет помочь, решил всё же рассказать о своих проблемах и нерешительно начал:

– Саш, ты тогда сказал мне, что я могу на тебя рассчитывать.

– Конечно, можешь, какой разговор, Серёга.

– Мне нужен твой совет, точнее, скорее всего, твоя помощь.

– Без проблем. Чем смогу, помогу с удовольствием.

Мурашов, взяв с тарелки ещё один бутерброд, сказал:

– В общем, вчера мы с Виолеттой поругались из-за тебя.

Скороходов откусил бутерброд и, запивая чаем, поперхнувшись, удивлённо спросил:

– Из-за меня??

– Да, из-за тебя. Подожди, Саш, выслушай до конца, не перебивай.

– Хорошо, извини, рассказывай дальше. Я слушаю тебя.

Мурашов, допив чай и отодвигая кружку, продолжил рассказывать, что он вчера за ужином сообщил жене о том, что за несколько минут до обеда им пришлось выехать на вызов по инициативе Александра, добавив:

– Виола, естественно, сказала, что ты был прав. Ну, я сам не знаю, что на меня тогда нашло, приревновал её к тебе. Я, психанув, вышел из-за стола, бросив вилку. И ушёл в гостиную, предположив, что, раз она защищает тебя, то, возможно, вы с ней встречаетесь. За что получил пощёчину.

Скороходов, допивая чай и поперхнувшись второй раз, снова удивился:

– Приревновал ко мне?? Встречаемся?? Сергей, ты так до инфаркта доведёшь. Я твою жену вообще не видел.

– Саш, я повторяюсь: сам не знаю, что на меня нашло. Вот

и Виолетта о тебе то же самое сказала, что она в глаза тебя не видела. В результате мне пришлось спать в гостиной.

– Немудрено, что жена отправила тебя в гостиную, Серёг. Ты своими подозрениями её сильно обидел.

– Да я это уже понял, что был неправ. Саш, если сможешь, посоветуй, пожалуйста, как мне теперь загладить свою вину перед Виолой? Ещё и Глашу с утра обидел, она сказала, что я ей не папа, а дядя Серёжа.

– Даа, можно сказать, тяжёлый случай. Тут тебе придётся прилично потратиться.

Скороходов посоветовал Мурашову Виолетте купить букет цветов, шампанское или красное вино, коробку конфет, духи. Ещё заказать баннер с извинениями. А дочке – билеты в цирк, но лучше на всю семью купить билеты.

– Дочка, думаю, уже и забыла о том, что сгоряча сказала, что ты не папа ей.

– Спасибо, Саш, за совет. Попробую сделать так, надеюсь, что буду прощён. Глаша не сгоряча так сказала. Для меня самое обидное то, что вчера вечером Глафира назвала меня папой, а сегодня...

Скороходов, убирая со стола тарелки и кружки, сказал:

– Назвала? Извини, я может, лезу не в своё дело. Она неродная?.. Хотя ладно, если захочешь, сам потом расскажешь.

– И родная, и, можно сказать, не совсем, – уклончиво ответил Мурашов, – как-нибудь расскажу. Надо будет ещё Гла-

ше позвонить.

Скороходов поддержал напарника и сказал, чтобы тот, конечно, позвонил. Мурашов ответил, что у Глаши сейчас урок, потом позвонит.

Майор Овсянников сказал Рублёву, посмотрев его паспорт и записывая данные:

– Гражданин Рублёв Станислав Николаевич, на вас поступило заявление от пострадавших. На каком основании вы напали на сотрудников полиции при исполнении?

– Чего?? На каких сотрудников?? – наигранно удивился Рублёв. – Я ни на кого не нападал.

– Действительно? А вот у меня другие сведения, к тому же вам удостоверения показывали. Но вы всё равно продолжили избивать, за это вам светит штраф либо арест до шести месяцев и тому подобное вплоть до лишения свободы сроком на пять лет.

– За что?

Овсянников повернул ноутбук монитором к Станиславу, показывая запись с камеры:

– «За что?» Вот за это.

Майор Овсянников ответил, что если бы не мгновенная реакция их сотрудника, который, рискнув, применил не совсем правомерный приём, так как у него времени на раздумья не было. И если бы не этот приём, Рублёву сейчас грозила бы совершенно другая статья.

– Аа, это. Да, не отрицаю, я ударил. И, признаю, был не прав. Услышал обрывок разговора и вначале не совсем понял, о чём шла речь.

– Повторюсь: они же вам показывали свои корочки, – сказал Марк Матвеевич.

– Я тоже повторю: вначале я не совсем понял, услышав обрывок разговора, что ваш капитан приглашает Анжелу в отделение, – развёл руками Рублёв. – Готов извиниться перед вашими сотрудниками. Старлея я случайно ударил, выбивая ксиву, так как думал, что она липовая.

Овсянников позвонил в кабинет Мурашова и Скороходова. Трубку снял Александр, Марк Матвеевич пригласил их в свой кабинет. Скороходов, положив трубку, сказал, что Марк Матвеевич приглашает их к себе.

– Не сказал – зачем? – спросил Мурашов.

– Нет, Серёг, не сказал. Просто попросил подойти к нему.

– Пойдём тогда, раз пригласил. Как раз Глаше позвоню.

Капитан со старшим лейтенантом вышли из кабинета, Мурашов набрал номер Глафиры:

– Дочка, ты утром спрашивала...

Глафира, всё ещё немного обижаясь на Сергея, ответила, обращаясь на «вы», не дав ему договорить, что она ему не дочка. У Сергея после такого ответа Глаши вид стал задумчивым, и он, попросив её не обижаться, сообщил, что раз бесплатная регистрация, она может зарегистрироваться в ту компанию, про которую с утра говорила, добавив, что у него

ещё вопрос.

– Спасибо. Какой вопрос?

– Там есть цветочные духи?

– Вроде бы есть, дядя Серёжа. Я спрошу у Яны, дам ей ваш номер телефона, она вам потом перезвонит. Сейчас уже звонок на урок.

– Хорошо. Беги на урок, Глаш.

– Пока, дядя Серёжа. Удачи вам на работе.

Мурашов, в надежде на то, что когда-нибудь Глаша перестанет на него обижаться и, снова, будет называть папой, сказал:

– Пока, дочка, – и положил трубку.

Скороходов постучал в дверь кабинета Овсянникова и, приоткрыв её, спросил:

– Вызывали, товарищ майор?

– Приглашал. Проходите, – ответил Марк Матвеевич.

Скороходов с Мурашовым вошли в кабинет и присели на стулья, стоявшие у стены с другой стороны стола. Рублёв, сидевший напротив, виновато опустив голову, сказал:

– Товарищ старший лейтенант и товарищ капитан, извините меня за вчерашний инцидент в ювелирном салоне «Весна». Я признаю, был неправ. Услышал обрывок вашего разговора, товарищ капитан, и не сразу понял, о чём шла речь. Признаю свою вину.

– Я принимаю ваши извинения, Станислав, – ответил Скороходов.

– А я – нет, не принимаю извинений, – сказал Мурашов.

– Саш, Серёж, выйдем на несколько минут в коридор, – попросил Марк Матвеевич и позвал сержанта.

Сержант зашёл в кабинет, Овсянников сказал:

– Ром, побудь пока что в кабинете. А мы с Мурашовым и Скороходовым ненадолго выйдем в коридор.

В коридоре Марк Матвеевич отвёл Скороходова и Мурашова чуть подальше от дверей своего кабинета и спросил: может, примирением сторон обойдутся? Так как у него недостаточно фактов и доказательств.

– Я согласен на примирение, – сказал Скороходов.

– А я не согласен ни на какое примирение, – возразил Мурашов. – А запись с камеры – это разве не считается доказательством? К тому же наши разбитые лица – тоже факт. Плюс ещё моя порезанная рука.

– Сергей, в любом случае у меня нет оснований для задержания Рублёва, – ответил Овсянников. – Запись с камер и ваши «разукрашенные» лица – это не основания для ареста Станислава. – Вы побои снимали? У Каретина были?

– Нет, не снимали. У Каретина не были. Даже если бы и были, то тяжкими телесными это не назвать, – ответил Скороходов. – Повторюсь: я согласен на примирение, сейчас зайдём в кабинет, я заберу и порву своё заявление, если можно.

– Конечно, можно, – сказал Овсянников, – я уголовное дело ещё не возбуждал.

– Я тоже повторю: я не согласен ни на какое примирение, –

попытался возразить Мурашов, – и своё заявление забирать не буду.

– Но у меня нет оснований для задержания и ареста Рублёва, – возразил майор Овсянников. – Да и на записи видно, что ты случайно порезался о лезвие канцножа.

Скороходов зашёл в кабинет, подошёл к столу, взял своё заявление, порвал и выбросил в мусорную корзину:

– Станислав, с моей стороны нет к вам претензий.

– Я своё заявление забирать не буду, – недовольным тоном сказал Сергей. – И на примирение сторон я не согласен.

– Ну, раз у нас с одной стороны примирение, – сказал Марк Матвеевич, подписывая пропуск, – то прочитайте и подпишите вот здесь: "мною прочитано" и "с моих слов записано верно".

Рублёв, взяв протокол допроса, стал читать. У Мурашова созрел коварный план: он подошёл к столу майора и незаметно положил флешку с записью с камер на стол так, чтобы она мешала Рублёву. После прочтения протокола Станислав взял ручку и, ничего не подозревая, подвинул флешку и подписал документ.

Мурашов незаметно взял со стола флешку за края, чтобы не оставить своих отпечатков, положив пока что в свой карман, и сказал:

– Я вас провожу до выхода.

На крыльце капитан Мурашов, не заметив полковника Лемехова, который возвращался из магазина, положил неза-

метно флешку с записью с камер в карман Рублёву.

Сергей, налив сок, взял папку с уголовными делами и, отхлебнув апельсиновый сок, спросил:

– Саш, почему ты решил забрать своё заявление?

Александр писал отчёт по вчерашнему и, ещё раз просматривая запись, ответил:

– Не знаю, Сергей, просто не захотелось ломать жизнь хорошему человеку. И у меня встречный вопрос: Серёг, а ты почему не стал забирать своё?

– Саш, а почему ты решил, что Рублёв – хороший человек; а если это не так? – спросил Мурашов, взяв солёную соломку. – Я не стал забирать свою заяву, так как считаю, что он должен получить наказание за свой поступок. Рано или поздно он в любом случае проявит себя.

Капитан Мурашов и не подозревал, что он близок к истине. Он предложил напарнику угоститься соломкой. Старший лейтенант Скороходов, взяв три штучки, сказал:

– Ну, не знаю, если окажется, что Рублёв – не очень хороший, значит, я ошибался на его счёт. У меня, кстати, тоже встречный вопрос: а ты почему считаешь, что он должен быть наказан и рано или поздно он проявит себя?

– Не знаю, – пожал плечами Мурашов, допивая сок, – интуиция или шестое чувство; называй как хочешь.

В это время раздалась мелодичная трель телефонного звонка на мобильном Мурашова. Он, увидев на дисплее имя племянницы, ответил. На том конце провода Глаша испуган-

ным голосом, не заметив, что снова назвала Сергея «папой», сообщила, что над дверями старого бывшего универмага – граната. И обратилась к подруге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.